

САМАРСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена истории старообрядчества Самарской губернии в начале XX века в условиях государственной конфессиональной политики Александра III и Николая II. Автор прослеживает либерализацию государственного законодательства о старообрядчестве вплоть до свободы вероисповедания и связанные с этим изменения действий Русской Православной церкви против раскола.

Ключевые слова: история Русской Православной церкви, старообрядчество, государственная конфессиональная политика, свобода вероисповедания.

Общая либерализация курса государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядцам, наступившая, как ни странно, в период контрреформ императора Александра III, на практике выразилась в принятии 3 мая 1883 г. закона «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» [1], который, по сути, декларировал новое отношение к староверам и закладывал основу для положительного решения «старообрядческого вопроса», которое, тем не менее, последовало лишь в начале XX в.

На уровне государственной конфессиональной политики закон «на деле не внес в жизнь данной конфессии каких-либо изменений» [2. С. 175], однако при новых условиях, когда государственная власть официально абстрагировалась от борьбы с расколом, деятельность православной церкви по отношению к старообрядчеству не могла не измениться, что отразилось, прежде всего, на активизации миссионерского служения среди староверов.

В июле 1887 г. в Москве прошел съезд противораскольнических миссионеров, на котором присутствовали и епархиальные архиереи. На основании результатов работы съезда в следующем году были разработаны «Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам», которые затем были разосланы в епархии, в том числе и в Самару, с указанием привести их в исполнение [3. Л. 8-8 об.].

Согласно «Правилам», в каждой епархии, где наблюдалось распространение старообрядчества и сектантства, необходимо было утвердить одного или двух епархиальных миссионеров (если действовало два епархиальных миссионера, обычно их компетенция различалась – один служил в старообрядческой среде, другой – среди сектантов), а также, по усмотрению архиерея, уездных (по уездам) и окружных (по благочиниям, составлявшим в церковно-административном отношении один уезд) [3. Л. 10-10 об.].

Во главе миссионерской деятельности стоял архиерей, который также заведовал главной миссионерской библиотекой. Ему напрямую подчинялись два епархиальных миссионера (по сектантству и расколу). В свою очередь им подчиня-

* © Наумлюк А.А., 2009

Наумлюк Антон Александрович – кафедра историографии и региональной истории Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

лись уездные миссионеры, при которых существовали благочиннические библиотеки, и окружные миссионеры с окружными библиотеками. Как архиерей, так и епархиальные миссионеры заведовали в деле миссионерского служения приходским духовенством, церковно-приходскими школами и школами грамотности. Священство готовило для дела миссии прихожан, преимущественно перешедших из раскола.

В дальнейшем в 1908 г. в епархии был организован Самарский миссионерский совет [4. Л. 7], а миссионерам было позволено набирать из местного населения помощников, деятельность которых также оплачивалась из средств епархии. В Самаре стали проводить епархиальные миссионерские курсы для священников и мирян, задействованных в миссионерском служении (например, в 1912 г. таких было 35 человек) [5. Л. 1-1 об.].

У РПЦ явно не хватало сил для давления на такое устойчивое конфессиональное образование, как староверие. В условиях нового светского законодательства, РПЦ не могла самостоятельно справиться с расколом. Единственным инструментом воздействия на старообрядчество, который применялся всегда, но до сих пор не был превалирующим, стали миссионерская проповедь и церковно-приходское просвещение, особенно в сельской среде.

Миссионеры должны были регулярно отчитываться о конфессиональной ситуации в подведомственном районе перед архиереем, при этом, естественно, следует учитывать, что, как и всякий официальный документ, ежегодные отчеты носят в некоторой степени тенденциозный характер. Данные о деятельности миссионеров представляются в выгодном свете, соответственно, численность и активность раскола и сектантства со временем занижались. Так, в отчете за 1911 г. было указано, что староверов в губернии 87 с половиной тысячи и, судя по ежегодным данным, это число постоянно уменьшалось. Однако в 1914 г. старообрядцев уже 88 000, что не находит никакого объяснения в отчетах [6. Л. 57 х].

Непосредственно раскол становится предметом отчетов, начиная с 1905 г., после опубликования указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и октябрьского Манифеста того же года.

Самарские староверы, как и по всей России, встретили Указ с воодушевлением, в первую очередь из-за того, что он ассоциировался с открытием запечатанных почти полвека назад алтарей крупнейшей старообрядческой общины белокрыницкого согласия — Рогожского кладбища в Москве, при этом осознавая недостаточность Указа 1905 г. для решения «старообрядческого вопроса». В 1909 г. самарский старообрядец П. Сенаторов написал письмо на имя члена III Государственной Думы от Москвы Александра Ивановича Гучкова, в котором указывалась настоятельная необходимость «дать всем свободу совести и тогда люди будут жить мирно и согласно и не будут проливать кровь из-за вер, и тогда только православная вера будет на высоте своего величия, и тогда она истинно наречется чадолубивой матерью всех народов, и тогда наша Россия будет сильна и богата. Это мое такое понятие» [7. Л. 1]. В многочисленных обращениях в Государственную Думу староверы указывали вопросы, волновавшие все старообрядческое сообщество начала XX в. Среди них указывалась необходимость свободного вероисповедания, права создавать общины, регламентации староверческих браков и статистики, права иметь школы и училища со старообрядческой программой преподавания и др. [8. Л. 1-2 об.].

В новых юридических условиях существования старообрядчества у епархиальной власти, по всей видимости, не было достаточно эффективных рычагов давления на раскол. Имеющиеся данные позволяют с уверенностью говорить о

том, что в Самарской губернии начала XX в. наиболее активное сопротивление расколу оказывало все же губернское гражданское начальство. В отличие от Саратовской епархии, где, наоборот, катализатором борьбы со староверием выступали архиереи, находящиеся в постоянном конфликте с губернаторской властью (будь то яростный борец с расколом Иаков (Вечерков), возглавлявший кафедру с 1832 по 1847 гг. или крупная общественно-политическая фигура — епископ Гермоген (Долганов) — с 1903 по 1912 гг.), в Самаре в начале XX в., несмотря на частую смену губернаторов, архиерейская власть, по всей видимости, сохраняла добрые отношения с гражданской и старалась не вмешиваться в административную борьбу с расколом.

Одна из причин жесткости губернской власти к старообрядчеству в Самаре, а также невмешательства архиерея в административные меры гражданской власти по противодействию расколу видится в крайне тяжелой социально-политической обстановке в губернии во время Первой русской революции и особенно после зверского убийства социалистами-революционерами Григория Фролова, губернатора Ивана Львовича Блока [9. С. 20] в 1906 г. и ряда других террористических актов. Новый губернатор Владимир Васильевич Якунин ужесточил меры по поддержанию порядка, создал военно-полевые суды и объявил губернию на положении усиленной охраны [10. Л. 5]. В это время не могло быть и речи, чтобы вмешиваться в действия гражданской власти, пытавшейся усмирить бунтующую губернию.

Пожалуй, самым актуальным вопросом для старообрядчества после Указа 1905 г. оставалось неоформленное юридически положение староверческих общин, а следовательно земли, на которой стояли молитвенные дома и храмы, имущества, которое было закреплено по необходимости за частными лицами, возможности вести общинами какую-либо деятельность в виде юридического лица и т.д.

Впервые закон, регулирующий существование старообрядческих общин был издан в 1906 г. Старообрядцам было предоставлено право свободного исповедания веры, публичного отправления всех обрядов (в том числе ношение духовными лицами священнического и монашеского одеяния и крестные ходы) и, самое главное, регистрации общин в качестве юридического лица, имеющего право владеть и распоряжаться имуществом ценностью не более 5 000 руб. Община регистрировалась Губернским правлением после подачи прошения, подписанного не менее чем 50 совершеннолетними членами. На общины были возложены обязанности ведения метрических книг [2. С. 184].

Сразу после издания Указа самарские старообрядцы начали активно регистрировать общины как в самой Самаре, так и по губернии. Полный «реестр старообрядческих общин по Самарской губернии», созданный Губернским правлением для городских управ для согласования регистрации старообрядческих браков в метрических книгах староверов и сословных посемейных списках к 1909 г., включал в себя 7 общин: три белокриницких и четыре беспоповских [11. Л. 5 — 12 об.].

Согласно миссионерским отчетам, в 1911 г. в губернии насчитывалось 87 523 старовера [12. Л. 50] (по переписи 1897 г. в губернии насчитывалось 97 522 старовера [13. С. 88]), которые проживали во всех семи уездах. Миссионеры отмечали, что расколом заражены 223 прихода РПЦ, а также Самара и все уездные города [12. Л. 50 об.]. Ситуация практически не изменилась и в 1914 г., а общая численность староверов даже увеличилась на полтысячи человек.

Староверы были представлены самым многочисленным беглопоповским соглашением, а также белокриницким и множеством беспоповских (поморцы законно-брачные; безбрачные, которых миссионеры определяли как федосеевцев; спасово соглашение; странники; иргизские беспоповцы; беловодцы и «герасимовцы» или «соглашение восхитителей священства», которых насчитывалось 173 человека в Николаевском уезде) согласий [12. Л. 50 об.].

Меры миссионерской борьбы с расколом перестали включать в себя административные притеснения, инициированные РПЦ, и сосредоточились, главным образом, на публичных и частных беседах, проповедях и таком нововведении, как кружки ревнителей православия. Последних на 1911 г. существовало семь — в Самаре (с 1 января 1911 г. в составе 55 человек под руководством епархиального миссионера), Бугуруслане и по два в Самарском и Николаевском уездах. В 1912 г. еще один кружок был открыт в селе Крепость Узень окружным миссионером [14. Л. 1], а к 1913 г. их было уже 59 по всей епархии [4. Л. 8-8 об.]. В ответ на издание и активное распространение старообрядческих брошюр и периодической печати, епархиальное руководство теперь реагировало выпуском собственных полемических и пропагандистских сочинений.

В итоге Миссионерский епархиальный совет отмечал, что в 1911 г. из раскола к РПЦ присоединилось на правах единоверия 200 человек и без всяких условий 334 человека [12. Л. 58]. В свою очередь в раскол ушло 36 человек.

В 1914 г. в РПЦ перешло 373 человека (150 единоверцев и 223 православных). В старообрядчество отписались 44 человека [6. Л. 57 я].

Нельзя не признать, что в новых условиях, когда Русская Православная церковь в Самарской епархии, оказавшись один на один с расколом, фактически без поддержки гражданской власти, не смогла организовать эффективную борьбу со староверием.

Общая либерализация отношения государственной власти к старообрядчеству, начатая при Александре III и продолженная Николаем II, благотворно сказалась на развитии староверия, в том числе и в Самарской епархии. Миссионерские меры, которые принимала РПЦ, не могли достаточно эффективно противодействовать распространению раскола. У самих же старообрядцев появилась возможность использовать аналогичные средства пропаганды своего учения. В свою очередь, борьба гражданских властей с расколом, без вмешательства самарских архиереев, перестала носить репрессивный характер применительно к вероучению и превратилась в административные меры бюрократического аппарата.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье. — СПб, 1884—1911. — Т. 23. — № 22704.
2. Ершова, О.П. Старообрядчество и власть / О.П. Ершова. — М., 1999.
3. ГАСамО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 230.
4. ГАСамО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАСамО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 25.
6. ГАСамО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 504.
8. ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 502.
9. Полиция и милиция Самарской губернии (Имена, события, факты), 1802-1967. — Самара, 2003.

10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316, 1910 г. Д. 50. Ч. 69.
11. ГАСамО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1216.
12. ГАСамО. Ф. 208. Оп. 4. Д. 16.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. – СПб., 1904. Т. XXXVII.
14. ГАСамО. Ф. 208. Оп. 4. Д. 16.

A.A. Naumljuk

THE OLD BELIEVERS OF SAMARA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the history of the Old Believers in Samara region at the beginning of XX century in conditions of the state confessional politics of Alexander III and Nikolay II. The author traces the liberalization of the state legislation about the Old Believers up to the freedom of worship and the changes of actions of Russian orthodox church connected with it against the split.

Key words: history of the Russian orthodox church, old believer, state confessional policy, religious liberty